

У каждого свои несчастья. Её несчастье — не слепота, но это не значит, что ей не больно. Она просто спрятала эту боль поглубже.

Ведь она предпочитала двигаться вперёд, а не застревать на месте, и у неё были силы это делать.

Дверь на кухню была закрыта. Раздвижная створка плотно прилегала, не давая запахам просочиться наружу. Всё оборудование и утварь Цзян Жань приобрела уже после переезда. Несмотря на активное использование, всё сияло чистотой — у неё была хорошая привычка тщательно вытирать и мыть каждый предмет после готовки.

К рабочему месту она всегда относилась с особым трепетом. Сидя сейчас на диване, она будто насквозь видела и белую стену, и ровную дверь, и каждый уголок кухни за ней. Она знала там каждый сантиметр, дорожила всем этим, потому что понимала: именно там — её опора.

Цзян Ин считала, что Цзян Жань стала увереннее, и связывала это с Ци Лянь. Но она не знала, что опора Цзян Жань никогда не заключалась в Ци Лянь.

Глядя на кухню, её мысли витали где-то далеко. В последнее время она всё чаще задумывалась о своём будущем в этой эпохе.

Пробивать себе дорогу кулинарным искусством — это решение было принято давно. Но как именно это осуществить — вот в чём вопрос.

Изначально Цзян Жань планировала открыть ресторан. Она знала кухню как свои пять пальцев. Но ресторан — это не только повар. Нужны деньги, помещение, управляющий... Всего этого у неё не было. Хотя эти проблемы можно было решить, оставалось одно серьёзное препятствие — теперь она была публичной фигурой в масштабах всей Федерации.

Достаточно взглянуть на Ци Лянь. Та — наследная принцесса Империи, временно проживающая в Федерации. Со стороны может показаться, что она пользуется полной свободой, но раз уж ей даже запрещено покидать столичную планету ради медового месяца, становится ясно: многие её действия строго регламентированы. А Цзян Жань, выйдя за неё замуж, автоматически попала под те же ограничения.

Они не касались личной свободы в прямом смысле. Цзян Жань могла учиться, общаться. Но если бы она вдруг открыла ресторан и встала за плиту... Даже не принимая во внимание давление со стороны клана Цзян, сама Империя вряд ли бы стерпела, чтобы у наследной принцессы была супруга-повар.

Цзян Жань выросла в стране без монархии, поэтому не испытывала ни особого страха, ни благоговения перед королевскими особами. Но по её представлениям, монархии должны быть очень щепетильны в вопросах репутации. Разве Империя позволит ей работать поваром?

И даже если отбросить все эти гипотетические давления, как отреагируют обычные люди? Если общественность узнает, что она открыла забегаловку, какой шквал критики обрушится на её голову?

Поэтому с самого начала Цзян Жань отдавала себе отчёт: в нынешних условиях открыть ресторан — задача почти невыполнимая. Но её это не беспокоило.

Потому что она была ещё молода.

Ей всего двадцать. Что такое двадцать лет? Возраст, когда большинство ещё учится, когда ничто не мешает строить планы на будущее. А её брак с Ци Лянь, согласно договору, продлится всего три года.

Через три года ей будет двадцать три — возраст более чем юный, даже меньше, чем её двадцать пять в прошлой жизни. Так к чему же спешить?

Через три года они разведутся. Ци Лянь обещала уладить все возможные последствия. Она станет свободной. После двадцати трёх каждый её день можно будет посвятить кулинарному искусству. Именно ясное понимание этого позволяло ей спокойно думать о других вещах.

В прошлой жизни она бросила учёбу после школы. Не потому что учитель не хотел её содержать, а потому что она не успевала.

В десять лет она уже работала на кухне ученицей. Силы человека безграничны. Отдавая всё кухне, она не могла уделять достаточно внимания урокам. Все твердили, что у неё талант к готовке, и она сама в это верила, обожала своё дело. Но... когда она окончила школу и увидела, как одноклассники с горящими глазами обсуждают, в какой вуз поступать и какой будет студенческая жизнь, на мгновение её охватила острая зависть.

Она не пошла в университет. Позже, вспоминая об этом, она чувствовала, будто в её жизни не хватает важного пазла. Хотя сожалела она об этом лишь изредка, но за семь-восемь лет, с восемнадцати до двадцати пяти, эти редкие вздохи сложились в тяжёлую ношу.

Как облака: каждое по отдельности невесомо, кажется, ветерок разгонит. Но если они соберутся вместе, обязательно пойдёт дождь.

А дождь всегда холодный.

Поэтому Цзян Жань не противилась учёбе. В глубине души она всё ещё лелеяла надежду на настоящую студенческую жизнь, иначе бы не переживала так из-за промежуточных тестов.

И, как она уже рассудила, раз уж университет нужно закончить, то лучше не тратить время на бесплодное «непонимание», а найти способ наконец понять.

Она была благодарна Ци Лянь. Она и не надеялась ни на что, просто задала вопрос наугад. А Ци Лянь неожиданно указала ей путь. И путь этот не был усыпан шипами — хотя и гладкой дорогой его не назовёшь.

Одна из тех дорог, что встречаются в жизни: в целом ровная, но с мелкими камушками и ямками. Камушки могут натереть ногу, в ямке можно споткнуться, но если идти, в конце концов придёшь куда нужно.

Неплохо. Цзян Жань опустила голову, ещё раз взглянула на конспект. Даже корявые буквы теперь казались ей милыми.

В этот момент дверь ванной открылась. Ци Лянь в тёмно-синей ночной сорочке медленно вышла. Цзян Жань тут же поднялась ей навстречу и забрала грязное бельё:

— В следующий раз оставляй, я сама всё постираю.

Ци Лянь кивнула. Она и правда на мгновение задумалась, куда его деть, и в итоге вынесла сама.

Раньше она просто бросала вещи в корзину в ванной, а потом слуги всё забирали.

Видимо, жизнь вдвоём потребует взаимного привыкания. Как и к этой незнакомой квартире, ко всему придётся приспособливаться заново.

Что ж, по крайней мере, появилось новое занятие.

Ци Лянь, с мокрыми волосами, слушала, как шаги Цзян Жань удаляются, чтобы через мгновение вновь приблизиться, и уголки её губ чуть дрогнули.

— Волосы мокрые, нужно высушить. Хотя сейчас и лето, но спать с мокрой головой — не лучшая идея.

Когда начальник стражи осматривал квартиру, он не ошибся: многие предметы обстановки были неудобны для Ци Лянь. Взять хотя бы такую мелочь, как сушка волос. Раньше, в поместье, волосы высыхали сами, пока она принимала ванну. Здесь же таких условий не было, и Ци Лянь нечего было возразить.

Цзян Жань усадила её на диван, сунула в руку небольшой фен и показала, где кнопка.

Незнакомое ощущение. Ци Лянь сжала в ладони маленький прибор, нащупала кнопку, как ей объяснили, нажала — и сразу же повеяло тёплым воздухом.

Она терпеливо принялась сушить волосы. Цзян Жань спросила, не нужна ли помощь. Ци Лянь выключила фен, покачала головой, и её шелковистые пряди слегка колыхнулись, открывая чистое, изящное лицо.

Если отбросить статус и ореол славы, сама по себе Ци Лянь была очень привлекательна.

Не броской, агрессивной красотой, как Цзян Жань, способной сразить наповал с первого взгляда. Ци Лянь была из тех, чья красота раскрывается постепенно, чем дольше смотришь — тем притягательнее. Но главное в ней было даже не лицо, а аура. В ней чувствовалась аристократическая утончённость, возвращённая абсолютной властью, и глубокая, спокойная элегантность, пришедшая с годами уединённых размышлений. Воспитанность сквозила в каждом её движении.

Разумеется, всё это делало её одновременно и холодно-отстранённой, словно божество, парящее за облаками, — недостижимой и неприкосновенной.

Её носовая перегородка была выше, чем у большинства азиатов, которых видела Цзян Жань, а профиль казался удивительно рельефным. Такой человек в военной форме и фуражке, наверное, смотрелся бы потрясающе. Цзян Жань, наблюдая за ней, вдруг подумала: а не метиска ли она?

<http://bllate.org/book/15936/1424410>